

Вечность назад (лет 9–10, на самом деле) Сергей Кузнечихин спросил, можно ли опубликовать моё стихотворение «Про это» в антологии «Свойства страсти». Не задумываясь, согласилась — степень доверия к Сергею у меня большая и давняя. В 2010-м книга вышла... тиражом 50 экз, я её и не увидела. Как написал Сергей: «Мы с Мариной Саввиных сбросились и издали за свой счёт».

А нынче случилось переиздание. Тираж опять невелик — 150 экз, 105 авторов, стихотворений значительно больше (само издание более 200 страниц). Теперь, как следует из выходных данных, оно получило поддержку Красноярского предствительства СРП.

И вот что любопытно: прочла книгу не отрываясь. До сих пор этим фактом удивлена. Уже давно больше одного стихотворения зараз в меня... не лезет. И это не с тем замечательным чувством, которым когда-то поделился со мной читатель-почитатель: «Стихи в книге должны публиковаться каждое на отдельной странице. Ведь в каждом есть Загадка. Вокруг неё должно быть Пространство, чтобы человек без помех прыгающего в глаза следующего текста мог обдумать её, пережить...» Нет, у меня это, увы, от усталости к рифмованной речи. Заметила: у многих поэтов она когда-то наступает.

«Можно, я вам свои стихи почитаю?» — «Лучше побейте меня!»

Это думает (или говорит) не читатель, чуждый поэзии, а человек, посвятивший свою жизнь стихосложению! Но о сём казусе упоминаю лишь для того, чтобы сказать убедительней: в книге «Свойства страсти» было нечто, сменившее усталость и неприятие на любопытство. Почему оно не угасло до конца книги? Да потому, что Сергей Кузнечихин не стал снимать сливки с других антологий, не ограничился очередной перепечаткой знаменитых поэтов. Им двигало желание познакомить читателя с теми, о ком мало знают или вообще не слышали. За это особая благодарность составителю.

И, конечно же, потому, что о свойствах страсти говорят высокая лирическая героиня Анны Ахматовой и экз Бориса Камаянова! Контрапункт потрясает. Говорит волчица и женщина... Разная женщина: девица и блудница, нимфа и козлоногая,

замужняя и одинокая, разлучница и «брошенка», жена и любовница, женщина с «высокими моральными устоями» и опять же зэчка, выходящая замуж на нарах за такую же заключённую.

Авторов-мужчин не меньше, чем женщин, они тоже по-разному переживают страсть и говорят о ней по-разному. <...>

Объединяет тексты одно: отсутствие ханжества. А вот откровенность, искренность порой шокируют, они зашкаливают и... побеждают. Принимаешь всё как есть и понимаешь: так и должно быть, так и есть, вернее. Есть, всё есть: и неприятие физического слияния людей и животных (Михаил Зенкевич: «Видел я, как, от напрягшейся крови / Яростно вскинув трясущийся пах, / Звякнув железом, заросшим в ноздрях, / Ринулся бык к приведённой корове...») до абсолютно бесстыдного стихотворения Валерия Брюсова «Когда ты сядешь на горшок, мечты моей царица...». Но физическая страсть часто слита с душевной любовью, «когда души и тела вечно мало, когда иконы пишутся с лица» (Алексей Васильев), и тут строк, пронзающих читателя насквозь, предостаточно. Можно долго цитировать строки из стихов мужчин и женщин, но процитирую лишь одно, имея в виду все тексты, включённые в антологию: «Это — труд. Это — пот. Это память. Это Текст. Это вязь Фаберже. Это вечно. Не рухнет, не канет. Это — *равновелико* душе» (Вера Арямова).

P. S. Вот так скромненько ☺, цитатой из своего стихотворения, закончила отзыв об антологии с ярким названием: «Свойства страсти». Когда, получив посылку, увидела его — ахнула! Я же забыла к нынешнему дню, как оно начиналось, когда народилось. И давно уже это «стихо» выглядит вполне «прилично», я переделала его когда-то, а этот вариант забыла! Теперь пришлось вспомнить. Ну да ладно, по прочтении всей антологии оно уже не кажется из ряда вон... Да и когда рождала это, тоже не было стеснения, смущения. Ибо была молода. Теперь утешаюсь тем, что лежит моё самое нескромное стихотворение между стихотворений любимых мною поэтов Михаила Анищенко и каторжанки Анны Барковой. И хорошо лежит, между прочим.